

RU

Дисфемия иностранных слов русского языка с переносным значением

Шишова Е. В.

Аннотация. Существующая дифференциация стилистических помет слишком неоднородна в словарях. Большая часть лексем приведена без особых узуальных притязаний, то есть в нейтральном виде. Тем не менее речь человека насыщена его персональным восприятием, отношением к окружающему миру, в связи с чем лексические единицы не могут оставаться в нейтралитете. Узус поможет квалифицировать их по аксиологической шкале нормативного отношения, и, соответственно, возникает цель исследования - определить основания, по которым часть лексического материала лексикографических источников может быть отнесена к постоянным дисфемизмам. Научная новизна исследования заключается в подаче лексикографического материала в зависимости от его квалификации по методам коммуникативного поведения. В результате доказано существование возможности распределения лексем русского языка по способам ведения диалога, зависимым от оценки узуальных итогов. Видится, что ранжировать лексический материал возможно до перехода к его контекстуальному рассмотрению, когда он будет нарушать требования ситуативной уместности.

EN

Dysphemism of Foreign Words of the Russian Language with a Figurative Meaning

Shishova E. V.

Abstract. The existing differentiation of stylistic labels is too varying in dictionaries. Most of lexical units are given without any special usual attributions, i.e. in a neutral form. Nevertheless, a person's speech is permeated with their personal perception, attitude to the surrounding world, therefore, lexical units cannot remain neutral. The usage will help to qualify them according to the axiological scale of the normative attitude, thus, the study aims to determine the grounds on which a part of lexical material from lexicographic sources can be attributed to usual dysphemisms. Scientific novelty of the study lies in presenting lexicographic material depending on its qualification based on methods of communicative behaviour. As a result, it has been proved that it is possible to distribute lexemes of the Russian language according to ways of dialoguing depending on the assessment of usual results. It seems that it is possible to rank lexical material before moving to its contextual consideration, when it violates the requirements of situational relevance.

Введение

Актуальность темы исследования заключается в востребованности представления критериев оценочности языкового материала, систематизации знаков по их стилистическим качествам. Стратификация лексем по их аксиологическим свойствам дает возможность осмысления интенций говорящего на этапе речевой реализации. Востребованы стали исследования по эвфемантике во время активизации процессов международного сотрудничества, политизации общественных отношений. Коммуникация принята единственно легитимным демократическим средством нападения и защиты. Разрабатываемые манипулятивные технологии имиджмейкинга применяются в виде конкретных стратегий, тактик и приёмов. Одной из таких стратегий является дисфемизация.

Для реализации цели исследования могут быть сформулированы конкретные задачи: 1) распределить переосмысленные заимствованные слова по группам в зависимости от их коммуникативной установки; 2) определить признаки дисфемизмов; 3) проиллюстрировать случаи речевой дисфемии с лексемами, не обладающими однозначно дисфемистическим статусом.

Для стратификации лексикографического материала по коммуникативному исходу в статье применяются следующие методы исследования: общенаучные – анализ, синтез, индукция; частные методы лингвистического исследования – компонентный анализ, интроспективный метод и метод логического сопоставления.

В качестве материала исследования был использован «Современный словарь иностранных слов» А. Н. Булыко (Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Мартин, 2005). Однако семантических комментариев к вокабулам не всегда было достаточно, в связи с чем привлекались иллюстрации из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Теоретической базой исследования явились работы ученых по дискурсивной эвфематике (Резанова, 2008; 2013; Бойко, 2006; Пестова, 2010), а также классические труды по лексическому значению слова (Харченко, 2012; Васильев, 2012; Колшанский, 2010; Канцельсон, 2011; Литвин, 2005; Никитин, 2009; Шмелев, 2008; Уфимцева, 2010; Стернин, 1985).

Практическая значимость заключается в возможности использования материалов исследования в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и спецсеминаров по теоретическому, практическому, сравнительному терминоведению, а также лексикографами при составлении словарей. Дискурсологи также могут ориентироваться на полученные данные по стилистической ориентации лексем. Представленные в статье выводы могут найти применение в процессе учебно-методической деятельности при создании учебников, учебных пособий и в ходе реализации практической деятельности по переводу.

Основная часть

Дисфемия представляет собой прагмалингвистическое лексико-речевое явление, с семантической точки зрения характеризующееся табуированной денотацией и/или пейоративной маркированностью, используемое адресантом с целью умышленной стратегической и/или иронической дискредитации речевого партнёра, следствием которого является нарушение постулатов речевого общения. Под концепцией дуалистической природы дисфемии, изложенной в рамках статьи «Лексико-речевая характеристика дисфемизмов в отечественной науке» (Шишова, 2015), кандидатской диссертационной работы «Дисфемия в современном российском и американском политическом дискурсе» (Шишова, 2017), и вслед за А. Н. Резановой (2013) и Т. В. Бойко (2006) подразумевается рассмотрение существования двух видов дисфемизмов – лексических и речевых. Лексические дисфемизмы обладают устойчивым статусом, закрепленным в лексикографических источниках. Однако, как известно, к настоящему моменту он не зафиксирован ни в одном словаре с прямой номинацией подобной пометы. Соответственно, требуется провести идентификацию лексических дисфемизмов, и начнем ее с изучения вокабуляра «Современного словаря иностранных слов» А. Н. Булыко с пометой «перен.», то есть рассмотрим лексические единицы, обладающие переносным значением, на предмет соответствия характеристикам дисфемизмов.

Среди слов с переносным значением выявлены следующие лексические группы: абсолютные дисфемизмы, окказиональные дисфемизмы, нейтральные слова и эвфемизмы.

К числу слов первой группы отнесем лексемы, бесспорно участвующие в дисфемизации коммуникативного отрезка: в речи любого говорящего данные лексемы будут оскорблять собеседника, задевать его человеческое достоинство. Разберем более подробно состав этой группы лексем, которые с полной уверенностью можно назвать дисфемизмами. Во-первых, это лексемы, называющие лицо-собеседника прямой номинацией и содержащие негативную оценку его персоналии, подчеркивающие отрицательные черты его характера или поведения, его слабости и пороки или приписывающие ему их, преуменьшающие или совсем уничижающие его достоинство. Таким образом, осуждаются люди, если они грубые, некультурные, жестокие, безжалостные, хитрые, двуличные, алчные, глупые, ограниченные, ленивые, медлительные, вялые и малоподвижные, нерешительные, беспринципные, праздные, неудачливые, надменные, чванные, психически неуравновешенные, недобросовестные работники, плохи в своей деятельности (например, в искусстве – *маляр*), невежды и неучи, подхалимы, кривляки, готовые ради выгоды защищать любое дело, обладающие мелкособственническими интересами и узким кругозором, отрицают веру в Бога, беспощадно разрушают памятники культуры и искусства, уклоняются от исполнения своего гражданского долга, совершают поступки под действием чужой воли, оценивающие всё с точки зрения материальных выгод для себя (*антихрист, банкрот, буффон, вампир, вандал, гастролер, жандарм, зомби, иезуит, кондотьер, кунктатор, лакей, манекен, марионетка, мещанин, мишень, оригинал, паяц, пигмей, психопат, рамоли, саранча, статист, статуя, схоласт, талмудист, троглодит, фигляр, фигурант, флюгер, фрукт, экземпляр*), обладают нестандартной внешностью (*гном, монстр, мумия*), совершают противозаконные действия (*шулер*). Также оскорбительно звучат устойчивые словосочетания со словами в переносном значении (*злой гений, персона нон грата*).

Интересны дисфемистические слова с переносным значением ввиду метафорического переосмысления прямого значения. Так, к примеру, *аспид* в греческом языке означало «ядовитая змея», а впоследствии в русском языке возникло сравнение злого, коварного человека с данным видом рептилий. Произошла творческая пейорация содержания данного иностранного слова. Подобными же примерами зоодисфемизации являются лексемы *хамелеон* и *байбак*. *Варвар-чужеземец* в Древней Греции в современном русском языке сливёт грубым, жестоким человеком. Безвольного, слабого человека сравнили с мешком, набитым соломой (*тюфяк*). Прокомментируем также примеры дисфемистического переосмысления иностранных историзмов: *башибузу* в турецком языке буквально означает «обреченная голова», являлся солдатом нерегулярных конных войск в Турции в XVIII-XIX вв.; ныне в переносном значении в русском языке это «грубый, безжалостный, жестокий человек». Аналогичные примеры: *преторианцы* (наёмные войска, применяющие грубую силу, сравниваются с солдатами личной охраны полководца в Древнем Риме), *сампан* (деспотичным начальником стал правитель провинции в Древнем Иране и некоторых других странах Востока), *филёр* (доносчик; от фр.

«агент тайной полиции, занимающийся слежкой»), *фискал* (доносчик, ябедник; от лат. «казенный, гос. чиновник»), *хиппи* (человек, ведущий себя экстравагантно, нарочно неопрятно и претенциозно одевающийся; от англ. «уныние, тоска», отрицающий существующие моральные основы, общественные нормы поведения и ведущий бродяжнический образ жизни). Фамилия английского лорда Д. Сэндвича превратилась в название бутерброда и далее переосмыслилась в живую рекламу (*сэндвич/сандвич*): весьма оскорбительно человеку быть номинированным едой. Уважаемые люди, учителя, священники и основное образовательное учреждение в русском языке сменили свой статус на дисфемистический: *школяр* своё однокоренное значение поменял на обозначение недоучившегося («взрослого человека с ограниченным уровнем знаний»), а японский учитель *бонза* возгордился и стал надменным, чванным чиновником.

Оскорбительные названия лиц связаны с негативно оцениваемыми действиями (*арлекин – арлекинда, вакханка – вакханалия, дезертир – дезертировать, деспот – деспотизм, идиот – идиотизм, инквизитор – инквизиция, казуист – казуистика, каннибал – каннибализм, кретин – кретинизм; паразит – паразитировать, паразитизм; проститутка – проституировать, проституция; сектант – сектантство; спекулянт – спекулировать, спекуляция; фабрикант – фабриковать, фабрикация*).

Группа абсолютных дисфемизмов – слов с переносным значением – названий лиц будет не полностью описана, если не обратиться к именам героев, вернее было бы назвать их антигероями, то есть антагонистами. Аллюзия к древнеримской (*янус, фурия*), древнегреческой (*гарпия, горгона, ехидна, мегера, медя, нарцисс, цирцея*) и финикийской мифологии (*молох*), к Библии (*левиафан, агасфер*), древнему эпосу (*кассандра*) и философии (*эпикурец*), к художественной литературе разных стран мира (*гарпагон, тартюф, мэфистофель, лилипут, фальстаф*) позволяет, с одной стороны, явно оскорбительно назвать лицо, с другой стороны, в некоторой степени затенить прямое уничижение описываемого субъекта. Метафорическое сравнение может оказаться не знакомо некоторой группе лиц, поэтому унижение чувств номинированного субъекта столь не воспаляет коммуникацию. Оскорбленный может оказаться не знаком с женой древнеримского императора Клавдия Мессалиной, жрецом Авгуром, женой Сократа Ксантиппой, ландскнехтами и лаццарони, не все помнят члена религиозно-политической секты в Древней Иудее Фарисея, защищавшего интересы зажиточных слоев населения и отличавшегося фанатизмом и лицемерием, или грека Герострата, который сжег себя в храме, чтобы прославиться. Однако факты забывания и незнания не смягчают инвективных мотивов говорящего, поэтому вышеперечисленные номинации можно отнести к ряду абсолютных дисфемизмов в равной степени со следующим рядом лексем: *ирод, иуда, тиран, фараон, сфинкс*. Не нужно вспоминать этимологию этих лексических единиц для их квалификации в разряд абсолютных дисфемизмов.

Результат действий собеседника, обстоятельства могут подвергаться дисфемистической критике говорящего (*абракадабра, аврал, ад, базар, балаган, балласт, бардак, бедлам, брешь, бум, бутафория, буффонада, вакханалия, вальпургиев, винегрет, вирусы, волатюк, гидра, гримаса, ересь, идиотизм, иероглифы, импотенция, инквизиция, истерия, кагал, кандалы, канитель, каннибализм, карикатура, карусель, катавасия, каторга, макулатура, маразм и пр.*).

Однако критика не обязана быть представленной лексическими единицами с эмотивно-депрекативными оттенками значения. Вышеприведенные лексемы обладают как фонематической, так и семантической резкостью, в то время как ниже можно продемонстрировать дисфемизмы, употребляемые в литературной и научной речи: *аберрация, баталия, вакуум, гекатомба, голгофа, декорация, деспотизм, джунгли, диверсия, диктатура, казуистика, капкан*. Так, *аберрация* является редко употребляемой лексемой, в переносном смысле означая «заблуждение, отклонение от истины». Ее можно расценить и в качестве нейтрального комментария, если не предъявлять претензий собеседнику о каких-либо упущениях: «Теперь он выглядел скорее растерянным, я бы даже сказал – испуганным, если бы не боялся, что это аберрация памяти» (НКРЯ). Обвинительна аберрация в ином примере: «Основатель IKEA, к примеру, ездит на подержанной Volvo. Это тоже аберрация сознания? Ну что же, я на встречу с вами ехал на метро» (НКРЯ).

Негативно оцениваемые явления (*аморфизм, дебилизм, инфантилизм, инерция*) порождают негативные определения, свойства, качества, признаки субъектов или объектов действительности (*аморфный, дебилный, инфантильный, инертный*). Однако не всегда имеет место паритет в восприятии субъекта и однокоренного с ним определения: *либерал*, имеющий положительную коннотацию по «Современному словарю иностранных слов» А. Н. Булыко как «человек, терпимо, снисходительно относящийся к кому-л., чему-л.», противопоставлен *либеральному* («допускающему либерализм», то есть «излишнюю терпимость, снисходительность к кому-л./чему-л., приводящие порой к попустительству чего-л. предосудительного»).

Иногда словарная вокабула содержит не единственный стилистический комментарий в виде пометы. Некоторые слова с переносным значением, которые по своим семантическим характеристикам являются дисфемистическими, характеризуются как «презр.» или как «жарг.». Говорящий, презрительно обращаясь к полицейскому, называет его «сбир», то есть с высокомерием, надменно, унижая достоинство человека. Заимствованное из польского языка слово «легавый» буквально означает «лежащая собака», в русском языке переосмысленно понимается как «сыщик, доносчик» и используется в жаргоне для обозначения милиционера. Таким образом, можно сделать вывод о том, что к числу словарных дисфемизмов относятся и лексемы, приведенные в лексикографии с пометами «презр.» и «жарг.».

Некоторые названия лиц – слова с переносным значением невозможно однозначно назвать дисфемизмами, так как в семантике этих слов присутствуют нравственно положительные компоненты значения: *аристократ* – «изысканный, утонченный, но высокомерный человек», представитель аристократии, то есть

привилегированного слоя общества, к которому можно относиться по-разному – и положительно (представляя собой сподвижника или восхищаясь представителем группы лиц), и отрицательно (будучи оппозицией и осуждая высокомерие, присущее представителям социальной группы). *Автомат* и *материалист*, то, каким образом он совершает действия – автоматическим, или его представления – материалистические являются также не всегда дисфемистическими: с одной стороны, говорящий может похвалить этих лиц за опытный подход к жизни или за практическую жилку, то есть умение действовать с пользой; с другой стороны, можно сфокусировать внимание на безразличии, с которым автомат выполняет действия, или рассудочности поступков с умом. Таким образом, как получается, что данные слова, как и ещё большое множество примеров (*авария*, *агитация*, *агония*, *ажур*, *аксиома*, *аллергия*, *амальгама*, *ампула*, *анабиоз*, *анархизм*, *анархия* и др.), стоят на периферии группы абсолютных дисфемизмов или же могут быть названы окказиональными дисфемизмами.

Окказиональные дисфемизмы – это лексемы, в семантике которых присутствует двойственная оценочность, которая может быть направлена говорящим в положительное или в отрицательное русло. Так, положительный образ адвоката как лица, выступающего в защиту кого-л., создан простым добавлением положительно оцениваемого признака-определения: «– Ни в коем случае не ходите сегодня на суд, – порекомендовал *проницательный адвокат*» (НКРЯ). Отрицательный же образ адвоката подчеркивают названия негативно оцениваемых лиц, протеже которых он является: «О своем коллеге Марке Альтшуллере Веницкий пишет, что он не только “историк блестящих литературных неудач, но и *адвокат дерзких литературных неудачников*”; те же слова, по мнению Нестеренко, можно применить к самому Веницкому» (НКРЯ). Группу окказиональных дисфемизмов иллюстрируют следующие заимствованные в русский язык лексемы с переносным значением – названия лиц: *аналитик*, *гамлет*, *дипломат*, *копия*, *цербер*, *эквилибрист*, *якобинцы*, *янычар*.

Прямо противоположный дисфемии полюс на аксиологической шкале занимает эвфемия. Эвфемизмы, или слова и выражения, употребляемые взамен других, которые по каким-либо причинам неудобно или нежелательно произнести, – по причине табуированности, традиционного неприменения или грубости, оскорбительности, невежливости, непристойности с точки зрения культурно-речевых норм, противопоставлены объекту изучения данной статьи, то есть дисфемизмам. Эвфемизмы представлены в «Современном словаре иностранных слов» А. Н. Булыко (*адонис*, *аксамитный*, *алтарь*, *амброзия*, *амфитрион*, *ангел*, *аполлон*, *аппетит*, *аргонавты*, *аргус*, *аркадия* и пр.), но в меньшем количестве по сравнению с контрагентом.

Промежуточное положение между абсолютными дисфемизмами и эвфемизмами занимают нейтральные единицы (*абрис*, *аванс*, *аккомпанемент*, *актив*, *акцент*, *амплитуда*, *анатомия*, *анналы*, *антракт*, *антураж*, *апартаменты*, *апогей*, *арена* и пр.). Заимствованные слова с переносным значением могут не обладать оценочностью, а представлять собой лексемы, участвующие в сухо-информационных посланиях или эмоционально-ориентированных обращениях. В зависимости от желания говорящего – производителя оценочной квалификации объектов действительности нейтральные лексемы способствуют эвфемизации или дисфемизации. Так, например, рассмотрим узус лексемы «актив»: 1. «Объём этих сбережений растёт год от года: к концу 2004 г. пенсионная “копилка” разбухнет до 96 млрд руб. Что и говорить, кусочек лакомый. Соответственно, желающих принять участие в управлении такими активами много. Основные дебаты идут вокруг вопроса о том, стоит ли доверять пенсионные средства банкам. Проблема в том, что *актив* этот, если так можно выразиться, социально значимый, и управлять им нужно осторожно, по максимуму сокращая риски» (НКРЯ). 2. «По сути, мы становимся свидетелями исторического (для этого конкретного слова) процесса – видим, как зарождается его переносное значение. До сих пор в словарях было отмечено только одно значение этого прилагательного: способный вызвать отравление. Токсичный в новом значении – способный отравить жизнь кому-либо. Токсичным может быть что угодно: токсичная тема для дискуссий, токсичный человек, даже *токсичный актив!*» (НКРЯ). 3. «Строго же говоря, доклад посвящён не столько анализу существа проблемы, сколько представляет собой самоотчёт Госдепартамента перед законодателями о проделанной работе по улучшению правозащитной ситуации в странах, произвольно записанных в “группу риска”. В “*актив*” Госдепартаменту записывается и то, что многие из них, включая Россию, законодательно ужесточили ответственность за торговлю людьми и подневольный труд, и получаемое ими американское финансовое содействие по линии гражданского общества и НПО» (НКРЯ). В первом примере «актив» предстает в нейтральном значении в качестве «копилки»; во втором примере «актив» имеет определение «токсичный», что означает «активы, которые перестают продаваться на вторичном рынке, поскольку их приобретение часто означает гарантированную потерю денег – за ними ничего не стоит» (НКРЯ), то есть негативно оценивается такой актив; и последний «актив» подразумевает успехи, достижения, преимущества.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Проанализировав словарные статьи с вокабулами, обозначенными пометой «перен.», мы выявили лексические группы иностранных слов русского языка: абсолютные дисфемизмы, окказиональные дисфемизмы, нейтральные слова и эвфемизмы. Абсолютные дисфемизмы представляют собой чистые (устоявшиеся) дисфемизмы (по терминологии А. Н. Резановой). Однако включены нами в эту группу не вулгаризмы и сленгизмы, ругательства, инвективы или дерогативы, то есть не сниженные пласты лексики, подвергающиеся табуизации. Дисфемизмы вносят диссонанс в речевое общение, а внести его можно и другими лексемами.

Лексические единицы стандарта (однозначные слова или отдельные значения многозначных слов) способны вызывать отрицательное стилистическое впечатление вне контекста. Они обладают негативной экспрессией, заложенной в их значение, и также могут выступать в качестве дисфемизмов. Ненормативным, противоречащим ситуации общения, дисфемистичным является несоблюдение норм речевого этикета, проявляющееся в речевой агрессии, недоброжелательности, оскорблении, «навешивании» ярлыков, неодобрении, отрицательной некорректной оценке действий адресата, в высказывании, унижающем человеческое достоинство, выражающем высокомерное или циничное отношение к человеческой личности, национальной принадлежности адресата, его культуре, религии. Подчеркнутыми в этом случае становятся отрицательные черты характера или поведения описываемого лица, его слабости и пороки, какие-либо обстоятельства. Именованное антагонистом тоже представляет собой метафоризированный негатив в отношении характеризующих лиц. Дисфемизированная оценка может проявляться и в фонематической резкости лексемы.

Прочие же выделенные группы иностранных слов с переносным значением (оказиональные дисфемизмы и нейтральные лексемы) невозможно вырвать из контекста и определить критерии дисфемизации. Мы значительно дополнили ряд чистых/устоявшихся дисфемизмов, но поляризовать их все не получится, ибо всегда имеются промежуточные, удалённые от полюсов явления.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в более детальном изучении семантики словарных вокабул на предмет отнесения их к дисфемизмам. Необходимо совершенствование критериев при квалификации лексического материала и распределении его по аксиологической шкале. Конечным результатом данной обоснованной дистрибуции является инициализация дискуссии на тему количества дисфемистических заимствований в русский язык, а также составление словаря дисфемизмов.

Источники | References

1. Бойко Т. В. Эвфемия и дисфемия в газетном тексте: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2006.
2. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика. Изд-е 3-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.
3. Канцельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. Изд-е 3-е. М.: Едиториал УРСС, 2011.
4. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. Изд-е 4-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2010.
5. Литвин Ф. А. Многозначность слова в языке и речи. Изд-е 2-е, стер. М.: КомКнига, 2005.
6. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. Изд-е 2-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
7. Пестова М. С. Эмотивность и оценочность как основные компоненты коннотации дисфемистичных фразеологических единиц, построенных на гиперболе, в английском и русском языках // Лингвокультурология. 2010. Вып. 4.
8. Резанова А. Н. Классификация дисфемизмов по лексико-семантическим разрядам // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 27 (61).
9. Резанова А. Н. Семантические отношения внутри дисфемистических преобразований // STUDIA LINGUISTICA: сб. науч. ст. СПб., 2013. Вып. XVIII.
10. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
11. Уфимцева А. А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики. Изд-е 4-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2010.
12. Харченко В. К. Переносная семантика слова. Изд-е 3-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.
13. Шишова Е. В. Дисфемия в современном российском и американском политическом дискурсе: дисс. ... к. филол. н. Казань, 2017.
14. Шишова Е. В. Лексико-речевая характеристика дисфемизмов в отечественной науке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 9-1.
15. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. Изд-е 3-е. М.: ЛКИ, 2008.

Информация об авторах | Author information

Шишова Елена Витальевна¹, к. филол. н.

¹ Казанский филиал Российского государственного университета правосудия

Shishova Elena Vitalievna¹, PhD

¹ The Kazan Branch of the Russian State University of Justice

¹ preclara@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 16.10.2022; опубликовано (published): 30.11.2022.

Ключевые слова (keywords): дисфемия; дисфемизм; иностранные слова русского языка; переносное значение слова; пейорация; dysphemy; dysphemism; foreign words of the Russian language; figurative meaning of the word; pejoration.